

Любовь НА ГРАНИ

Лина Вей

Лина Вей

Любовь на грани

«Автор»

2026

Вей Л.

Любовь на грани / Л. Вей — «Автор», 2026

«Любовь на грани» — это история о том, как чувства могут одновременно спасать и разрушать, а один неверный шаг способен изменить всё. Алёна и Кирилл когда-то были уверены, что их любовь выдержит любые испытания. Но контроль, ревность и неумение слышать друг друга подвели их к опасной черте — и теперь перед ними стоит мучительный выбор: пытаться склеить то, что разбито, или учиться быть родителями, не будучи парой. Если вы ищете книгу, где эмоции бьют через край, а герои не идеальны, но настоящие — «Любовь на грани» для вас.

© Вей Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Искра	5
Глава 1. Первая встреча	5
Глава 2. Случайная встреча на набережной	9
Глава 3. Первое свидание, которое не похоже на свидание	13
Глава 4. Первый поцелуй и первая ссора	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лина Вей

Любовь на грани

Часть 1. Искра

Глава 1. Первая встреча

Книжный магазин «Страница» в центре города к семи вечера уже почти опустел. Дневная суета стихла, и гул мегаполиса теперь доносился сюда приглушённо, будто сквозь толстое стекло. В зале пахло бумагой, ванилью из кофемашины у кассы и чуть-чуть — старой пылью, которую не выветривали даже самые усердные уборщицы. Тёплый свет ламп мягко ложился на корешки, подчёркивая тиснение и глянец, и делал пространство уютным, почти домашним. Почти.

Алёна пришла сюда не за конкретной книгой. Она вообще редко приходила за чем-то определённым. Чаще всего ей нужно было просто выйти из квартиры, где тишина стала слишком громкой, и найти место, где вокруг будут другие люди, пусть даже молчаливые. Сегодня она шла мимо, увидела тёплый свет витрин, вдохнула запах кофе и поняла: надо зайти. Хотя на десять минут.

Она медленно шла вдоль стеллажей, скользя пальцами по корешкам, не читая названий, а скорее чувствуя их: шершавые, гладкие, с тиснением, без. У отдела поэзии она остановилась. Стихи всегда действовали на неё странно: они не отвлекали, но как будто подтверждали, что кто-то другой тоже когда-то чувствовал то же самое. И от этого становилось чуть легче.

В этот момент пространство рядом с ней будто дрогнуло. Кто-то резко шагнул, задел её плечом, и тут же, словно в замедленной съёмке, оба потянулись к одной и той же книге — тонкому сборнику стихов Серебряного века в мягкой обложке. Их пальцы почти соприкоснулись над пожелтевшей бумагой.

— Извините, — буркнул он, не глядя, и потянул книгу к себе.

— Я первая её заметила, — спокойно, но твёрдо сказала Алёна, не убирая руку.

Он наконец поднял глаза. И замер.

Кирилл не планировал заходить в книжный. У него был другой маршрут, другие дела, но нога сама свернула к этой витрине, к этому свету, к этому месту, где всё казалось чуть менее сумасшедшим, чем на улице. Он зашёл, чтобы просто переждать пять минут, выпить кофе и снова нырнуть в город. Но вместо этого оказался у стеллажа с поэзией, будто кто-то подтолкнул его именно сюда.

И теперь он смотрел на девушку, которую только что задел, и понимал, что забыл, зачем вообще сюда пришёл.

У неё были тёмные волосы, собранные в небрежный пучок, из которого выбивались тонкие пряди. Глаза — серые, но не холодные, а такие, в которых будто отражался весь вечер: и сумерки, и свет ламп, и что-то ещё, что он не мог сразу назвать. На ней была простая белая рубашка, рукава закатаны до локтей, на запястье — тонкий серебряный браслет, который тихо звякнул, когда она потянула книгу к себе.

— Вы уверены? — спросил он, и в его голосе прозвучало не раздражение, а скорее удивление.

— Абсолютно, — кивнула Алёна, не отпуская обложку. — Я стояла здесь, когда вы вре-
зались в меня.

— Это не было намеренным, — сухо ответил он, но уголки губ чуть дрогнули, будто он сам не хотел улыбаться, а тело решило иначе.

— Зато было эффектным, — парировала она, и в её голосе не было злости, скорее ирония, смешанная с лёгким вызовом.

Они стояли друг напротив друга, по-прежнему держа книгу с двух сторон, как будто это был не сборник стихов, а какой-то трофей, за который стоило побороться. И в этом противостоянии уже рождалось что-то большее, чем просто спор из-за книги.

— Ладно, — Кирилл первым отпустил обложку, сделал шаг назад и поднял руки, будто сдавался. — Пусть будет ваша.

— Спасибо, — Алёна взяла книгу, но не убрала её, а повертела в руках, будто не знала, что с ней делать дальше.

— Или... можем прочитать вместе, — неожиданно для самого себя предложил он.

Она подняла брови, явно не ожидая такого поворота.

— Вместе?

— Ну, знаете, классика жанра: два незнакомца читают стихи друг другу в пустеющем книжном магазине. Романтика в стиле «чёрно-белого кино».

— Звучит как плохая завязка для мелодрамы, — усмехнулась Алёна, но в её глазах мелькнуло любопытство.

— Тогда просто посидим и помолчим, — спокойно сказал он, кивая на небольшой диванчик в углу зала, где обычно сидели студенты с ноутбуками. Сейчас он был свободен, и на нём лежала маленькая подушка с вышитым котом.

— Я не люблю молчать с незнакомцами, — призналась она, и это прозвучало не как отказ, а как честность.

— Тогда расскажите что-нибудь. Что угодно. Про эту книгу. Про стихи. Про то, почему вы вообще здесь.

Алёна чуть наклонила голову, изучая его, как будто пыталась понять, шутит он или всерьёз.

— Я здесь, потому что на улице слишком шумно, а дома слишком тихо, — наконец сказала она, и эти слова повисли между ними, неожиданно откровенные.

Кирилл кивнул, будто понял.

— Знакомо, — тихо произнёс он. — Иногда кажется, что город говорит слишком много, а ты не можешь вставить ни слова.

— А иногда наоборот, — добавила Алёна. — Ты говоришь, а никто не слышит.

На секунду между ними повисла тишина, но она не была неловкой. Она была такой, в которой можно было услышать дыхание друг друга и шорох страниц где-то в другом конце зала.

— Меня зовут Кирилл, — сказал он, протягивая руку, но тут же опустил её, будто вспомнил, что они не на деловой встрече.

— Алёна, — кивнула она, не протягивая руку в ответ, но и не отворачиваясь.

— И что теперь, Алёна? Вы купите эту книгу и уйдёте? Или дадите мне шанс не выглядеть полным идиотом, который врезался в девушку и попытался отнять у неё стихи?

Она снова усмехнулась, и на этот раз улыбка получилась чуть теплее.

— Может, вы купите мне кофе вместо этого?

— Договорились, — кивнул он, и в этот момент почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло, как будто мир на секунду выровнялся.

Они прошли к небольшой кофейной зоне у кассы. Продавец, молодая девушка с пирсингом в носу, улыбнулась им, будто знала, что это начало какой-то истории.

— Что будете? — спросила она.

— Двойной эспрессо, — сразу сказал Кирилл.

— Латте с ванилью, — тихо добавила Алёна.

Пока бариста готовила напитки, они стояли рядом, но не слишком близко, будто между ними всё ещё была невидимая граница, которую никто не решался переступить.

— Вы часто сюда заходите? — спросил Кирилл, чтобы нарушить молчание.

— Иногда, — пожала плечами Алёна. — Когда хочется почувствовать, что я не одна, даже если вокруг никого.

— Странное желание, — заметил он, но без осуждения.

— Не странное, — покачала головой она. — Просто... одиночество бывает разным. Иногда оно не про количество людей вокруг, а про то, что никто не слышит, что ты говоришь.

Кирилл посмотрел на неё, и в этот момент понял, что она говорит не просто так. В её словах была какая-то старая боль, спрятанная глубоко, но всё ещё живая.

Кофе был готов. Они взяли стаканы, и Кирилл жестом предложил ей пройти к тому самому диванчику в углу. Алёна кивнула, и они сели — не слишком близко, но и не по разные стороны света.

— За что пьём? — спросил он, поднимая стакан.

— За то, что сегодня мы друг друга услышали, — тихо сказала она, и её глаза на секунду встретились с его.

Они чокнулись стаканами, и этот звук — пластик о пластик — прозвучал как какой-то маленький, но важный ритуал.

Разговор пошёл легко, будто они знали друг друга давно, но только сейчас встретились после долгой разлуки. Они говорили о пустяках: о любимых книгах, о том, как раздражает, когда в фильмах неправильно показывают книжные магазины, о том, что ваниль в кофе — это либо любовь, либо предательство. Но между этими пустяками проскальзывали и настоящие вещи: страх быть непонятым, желание найти кого-то, кто просто посидит рядом и не будет ничего требовать.

Время текло незаметно. За окном стужались сумерки, город зажигал огни, и витрины начали отражать не улицу, а то, что происходило внутри магазина. Алёна смотрела на Кирилла и видела в нём не просто случайного незнакомца, а кого-то, кто, возможно, мог бы понять её тишину. А Кирилл смотрел на Алёну и думал, что впервые за долгое время ему не хочется никуда бежать.

Но потом дверь открылась, и в магазин вошла группа студентов, громко смеясь и толкаясь. Звук их голосов ворвался в их маленький мир, как холодный ветер, и Алёна вдруг поняла, что вечер закончился. Или, по крайней мере, эта его часть.

— Мне пора, — сказала она, вставая и ставя недопитый латте на столик.

— Уже? — Кирилл тоже поднялся, будто не хотел отпустить её, даже на шаг.

— Да. Дела. Жизнь. Всё такое.

— Дайте хотя бы номер, — быстро сказал он, и в этом «хотя бы» было столько надежды, что Алёна невольно улыбнулась.

— Нет, — покачала она головой, но не грубо, а мягко, как будто жалела, что приходится отказывать.

— Почему?

— Потому что... я не хочу, чтобы это стало обязательством. Сегодня было хорошо. Просто так. Без обещаний.

Кирилл на секунду замер, потом медленно кивнул, принимая её правила.

— Понимаю. Но если вдруг когда-нибудь снова окажетесь здесь... я буду тут. Или где-то рядом.

Алёна улыбнулась, на этот раз чуть шире.

— Возможно.

Она повернулась и пошла к выходу, легко, будто не уносила с собой половину его вечера. Дверь звякнула колокольчиком, и она исчезла в вечернем городе, растворилась среди огней и теней.

Кирилл остался стоять у диванчика, держа в руках пустой стакан из-под эспрессо, и смотрел на дверь, будто ждал, что она вернётся. Но она не вернулась.

А он запомнил её лицо. И запах ванили. И то, как она сказала: «Сегодня было хорошо. Просто так».

И ещё он запомнил, как в тот момент, когда она уходила, город будто стал чуть тише, как будто тоже слушал, как закрывается эта дверь.

Вечер продолжал опускаться на город, укутывая улицы в мягкий полумрак. Тёплый ветер шевелил афиши, гнал по тротуару обрывки бумаги и заставлял отражения в витринах дрожать, как живые. Кирилл вышел из магазина и остановился, вдыхая прохладный воздух, который уже пах осенью, хотя лето ещё не сдалось окончательно.

Он посмотрел на улицу, на огни, на людей, спешащих по своим делам, и вдруг понял: сегодня он не просто столкнулся с незнакомкой у стеллажа с поэзией. Сегодня он встретил кого-то, кто на одну короткую минуту сделал его вечер настоящим.

И он знал: если судьба снова приведёт его сюда, он будет ждать.

Даже если она не даст ему свой номер. Даже если она скажет, что не хочет обещаний.

Потому что иногда достаточно просто знать, что где-то есть человек, который однажды услышал тебя в пустующем книжном магазине.

Глава 2. Случайная встреча на набережной

Ветер с реки гнал по набережной мелкую водяную пыль, и она оседала на плечах прохожих, делая город чуть более призрачным, чем он был днём. Поздний вечер опускался на набережную медленно, будто не хотел торопить этот переход от суеты к тишине. Фонари зажигались один за другим, и их свет, преломляясь в тёмной воде, ложился на поверхность реки дрожащими золотыми дорожками. Над водой висел лёгкий туман — не густой, а такой, что казался просто дыханием реки, её тихим шёпотом.

Алёна шла вдоль перил, не торопясь, но и не задерживаясь. Она надела тёмно-синюю куртку, шарф намотала так, чтобы он закрывал шею, но не душил, а в кармане грела пальцы о бумажный стаканчик с чаем. Ей нравилось это время суток: когда город уже не кричал, но ещё не уснул, когда можно было идти и слушать, как затихают звуки, уступая место чему-то другому — не тишине, а паузам между шумами.

Она остановилась у лотка с кофе, где пахло жареными орешками и горячим сиропом. Продавец, пожилой мужчина с добрыми глазами и вязаной шапочкой, улыбнулся ей, как старой знакомой.

— Ещё один чай? Или сегодня рискнём на какао?

— Сегодня снова чай, — улыбнулась Алёна. — С бергамотом. Хочется чего-то привычного.

— Привычное иногда самое нужное, — кивнул он, наливая напиток в новый стаканчик и протягивая ей через окошко.

Она взяла стакан, поблагодарила и уже хотела отойти, когда услышала за спиной знакомый голос, от которого внутри что-то дрогнуло — не от испуга, а от неожиданности.

— А я-то думал, ты вообще не пьёшь ничего, кроме латте с ванилью.

Алёна обернулась. Кирилл стоял в двух шагах от неё, в тёмном пальто, воротник поднят, в руке — стаканчик кофе. На губах — полуулыбка, в глазах — тот самый блеск, который она заметила ещё в книжном: смесь уверенности и лёгкого вызова.

— А я думала, ты не из тех, кто ходит по набережным по вечерам, — парировала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, будто эта встреча была самой обычной вещью на свете.

— Я и не хожу. Обычно. Но сегодня ноги сами сюда привели.

Он сделал шаг ближе, но не слишком. Как будто помнил, что она не любит, когда нарушают её пространство.

— Совпадение, — пожала плечами Алёна, хотя в глубине души ей хотелось верить, что это не так.

— Или закономерность, — тихо сказал он, глядя на неё так, будто пытался прочесть что-то между слов.

Они стояли друг напротив друга, а между ними витал этот вечерний воздух — влажный, прохладный, пахнувший рекой и городом. И напряжение, которое возникло ещё в книжном, никуда не исчезло. Оно просто стало другим: не колючим, а тягучим, как этот туман над водой.

— Ты часто сюда приходишь? — спросил Кирилл, кивая на перила, за которыми текла река, тёмная и спокойная, будто знала все секреты города.

— Иногда. Когда хочется почувствовать, что я часть чего-то большого. Не толпы, а... города. Как будто, если я буду идти достаточно долго, я стану его ритмом.

Кирилл чуть наклонил голову, будто прислушивался не к словам, а к тому, как они звучали.

— Это красиво. И немного грустно.

— Грусть тоже бывает красивой, — тихо сказала Алёна.

— Тогда я буду смотреть на неё вместе с тобой, — неожиданно произнёс он, и в этой фразе не было ни пафоса, ни давления. Просто предложение, тихое и настоящее.

Алёна не ответила сразу. Она смотрела на отражение фонарей в воде, на то, как свет дрожал и рассыпался на тысячи маленьких искр. Потом перевела взгляд на Кирилла.

— Ладно. Но без обещаний. Просто прогулка.

— Без обещаний, — кивнул он. — Но с разговорами. Я люблю слушать, как люди говорят о пустяках, потому что именно в пустяках прячется самое важное.

И они пошли вдоль набережной, не слишком близко друг к другу, но и не как незнакомцы, которые случайно оказались на одной улице.

Сначала говорили о мелочах. О том, что кофе из лотка всегда вкуснее, чем в модных кофейнях, потому что его наливает человек, который знает, как пахнет настоящая ночь. О том, что фонари на этой набережной горят чуть тусклее, чем на соседней, и из-за этого город кажется добрее. О том, что в шуме реки можно услышать музыку, если не торопиться.

Но постепенно разговоры становились глубже, хотя внешне оставались такими же лёгкими.

— Ты когда-нибудь делал что-то просто потому, что в тот момент казалось, что иначе нельзя? — вдруг спросила Алёна, не глядя на него, а глядя вперёд, на тёмную воду.

Кирилл задумался, будто взвешивал слова.

— Да. Однажды я не сел в поезд, который должен был увезти меня далеко отсюда. Просто стоял на перроне и понимал, что если уеду, то убегу не от проблем, а от самого себя. И остался.

Алёна кивнула, будто услышала что-то, что давно искала.

— Значит, ты умеешь оставаться. Даже когда хочется сбежать.

— Не всегда, — честно признался он. — Иногда я сбегаю. Но потом возвращаюсь. Потому что понимаю, что самое сложное — это не уйти, а остаться и смотреть правде в глаза.

Они остановились у старого чугунного фонаря, который стоял здесь, наверное, ещё с прошлого века. Его свет падал на их лица тёплыми пятнами, делая тени глубже, а взгляды — острее.

— А ты? — тихо спросил Кирилл.

— Что я?

— Делала ли ты когда-нибудь что-то, зная, что это изменит всё?

Алёна помолчала. Потом тихо сказала:

— Однажды я сказала «нет» тому, кого любила. Потому что поняла, что если скажу «да», то перестану быть собой. И это было самое трудное «нет» в моей жизни.

Кирилл не стал задавать лишних вопросов. Не стал давить. Он просто кивнул, будто принял её ответ как что-то важное, что нельзя трогать руками.

— Спасибо, что сказала. Не все готовы делиться такими вещами с незнакомцем.

— Мы уже не совсем незнакомцы, — усмехнулась Алёна, и в её голосе прозвучала лёгкая ирония, смешанная с чем-то тёплым.

Они пошли дальше, и город вокруг них становился всё тише. Машины уже не неслись по мосту, как днём, а ехали медленно, будто тоже хотели растянуть этот вечер. Редкие прохожие шли по своим делам, не обращая внимания на эту пару, которая шагала вдоль реки, споря о пустяках и говоря о самом главном между строк.

— Знаешь, что меня бесит в современных фильмах? — вдруг сказал Кирилл, резко меняя тему, будто давая ей передышку.

— Что?

— То, что там все влюблённые обязательно должны быть идеальными. А в жизни всё иначе. В жизни ты можешь быть уставшим, злым, раздражённым, но при этом всё равно хотеть быть рядом с кем-то.

Алёна улыбнулась, на этот раз искренне.

— Согласна. Настоящая близость — это когда можно быть неидеальным и знать, что тебя не осудят.

— Вот именно, — кивнул Кирилл, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение, будто он нашёл кого-то, кто думает так же.

Они дошли до небольшого мостика, который вёл на маленький остров посреди реки — на самом деле это был просто выступ набережной, но из-за фонарей и деревьев он казался отдельным миром. Здесь было тише, чем везде, и казалось, что город обходит это место стороной, оставляя его для тех, кто хочет побыть наедине. Или почти наедине.

Они остановились, облокотились на перила и смотрели на воду. Река текла спокойно, будто знала, что сегодня здесь не будет бурь.

— Иногда мне кажется, что люди слишком торопятся всё решить, — тихо сказала Алёна, не отрывая взгляда от воды. — «Мы вместе», «мы расстались», «мы друзья». Как будто каждое состояние должно иметь ярлык.

— А ты не любишь ярлыки, — догадался Кирилл.

— Не люблю. Они давят. Как будто ты должен соответствовать тому, что на тебе написано.

— Тогда пусть сегодня у нас не будет ярлыков. Просто двое людей, которые гуляют по набережной и смотрят на реку.

Алёна повернулась к нему и посмотрела прямо в глаза. В её взгляде было что-то новое — не настороженность, а доверие, хрупкое, как лёд на реке ранней весной.

— Хорошо. Пусть будет просто вечер.

И в этот момент между ними что-то изменилось. Напряжение не исчезло, но оно перестало быть враждебным. Теперь оно было похоже на натянутую струну, которая вот-вот зазвучит.

Они ещё долго стояли у перил, слушая, как река шепчет свои истории, и рассказывая друг другу свои. Говорили о книгах, о детстве, о страхах, которые прячутся в темноте, и о том, как важно иногда просто услышать: «Я здесь. Ты не одна».

Когда часы на городской башне пробили полночь, Алёна вздрогнула, будто только сейчас поняла, сколько времени прошло.

— Мне пора, — сказала она, и в её голосе не было спешки, но была твёрдость.

— Домой? — спросил Кирилл.

— Да. Завтра рано вставать. Жизнь не останавливается даже ради красивых вечеров.

Он кивнул, не пытаясь её удержать. Но когда она уже повернулась, чтобы уйти, он тихо сказал:

— Алёна.

Она обернулась.

— Если когда-нибудь тебе снова захочется просто пройти по набережной, без ярлыков и обещаний... я буду где-то здесь. Или где-то рядом.

На её лице появилась улыбка — не широкая, а такая, которая живёт только в уголках губ и в глазах.

— Спасибо. Это приятно знать.

Она пошла прочь, легко и свободно, будто этот вечер подарил ей что-то, что она давно потеряла — ощущение, что можно быть собой и при этом не быть одинокой.

А Кирилл остался стоять у перил, глядя, как её силуэт растворяется в вечернем тумане, смешиваясь с отражениями фонарей. Он чувствовал, как холодный ветер с реки пробирается под пальто, но не спешил уходить. Ему хотелось сохранить этот момент подольше — этот влажный воздух, запах реки, тихий шёпот воды и её улыбку, которая была не для всех, а только для него.

Город затихал. Фонари горели ровно, будто охраняя эту тишину. И где-то там, среди теней и света, Алёна шла домой, думая о том, что иногда самые важные встречи случаются не тогда, когда ты их ждёшь, а когда ты просто идёшь вдоль реки и слушаешь, как шепчет вода.

И она знала: если судьба снова приведёт её на эту набережную, она не пройдёт мимо. Потому что теперь здесь было место, где её слышали. Не для того, чтобы что-то получить, а просто потому, что кому-то было важно её услышать.

Глава 3. Первое свидание, которое не похоже на свидание

Кофейня «Уголок» пряталась в тихом тупике на окраине города — не там, где сверкали витрины и сновали толпы, а там, где улицы становились уже, дома — старее, а воздух будто густел от тишины. Вывеска над дверью была выцветшей, буквы местами облупились, но внутри пахло так, что хотелось остаться: свежей выпечкой, корицей, крепким кофе и чем-то ещё, почти забытым — уютом, который не пытаются продать, а просто хранят.

Алёна пришла чуть раньше. Ей так было спокойнее: успеть занять столик у окна, привыкнуть к месту, почувствовать, что она здесь не чужая, хотя бы на эти полчаса. Она села, положила сумку на соседний стул — не как приглашение, а как щит, — и стала смотреть, как дождь стучит по стеклу. Капли стекали вниз, рисуя неровные дорожки, и город за окном становился размытым, будто акварельным.

Кирилл появился ровно в семь. Не на минуту раньше, не на минуту позже. Он встряхнул зонт у входа, стряхнул капли с плеч, и на секунду замер, будто сканируя пространство. Потом увидел её. И улыбнулся — не широкой, показной улыбкой, а такой, где в уголках глаз пряталась настоящая радость.

— Ты выбрала идеальное место, — сказал он, садясь напротив и скидывая пальто на спинку стула. — Тут даже воздух другой. Не городской.

— Тут тихо, — кивнула Алёна, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без дрожи. — Мне нравится, когда можно услышать собственные мысли.

— А я иногда боюсь своих мыслей, — признался Кирилл, открывая меню и тут же закрывая его, будто уже знал, что закажет. — Поэтому мне нужно, чтобы вокруг было шумно. Или чтобы рядом был кто-то, с кем можно не думать.

— Это звучит как признание в усталости, — заметила Алёна, чуть приподняв бровь.

— Оно и есть, — спокойно кивнул он. — Неделя была такая, что если бы я ещё хоть раз услышал слово «дедлайн», я бы закричал.

Они заказали: Алёна — какао с маршмеллоу (ей хотелось чего-то тёплого и простого), Кирилл — двойной эспрессо и кусок яблочного пирога, который, по словам официантки, «пекут по рецепту бабушки». Пока ждали заказ, говорили о пустяках: о том, что дождь в городе всегда пахнет по-разному, о том, как странно, что в старых районах фонари светят жёлтым, а не белым, и как этот жёлтый свет делает даже самые серые улицы чуть добрее.

Но за этими словами уже витало напряжение. Лёгкое, но осязаемое. Как электрический заряд в воздухе перед грозой.

Когда принесли пирог, Кирилл отломил кусочек, положил на ложку и протянул Алёне.

— Попробуй.

Она чуть помедлила, потом взяла ложку. И улыбнулась.

— Вкусно.

— Я так и знал, — довольно кивнул он, будто это была его личная победа.

В этот момент в кофейню вошла компания молодых людей, громко смеясь и толкаясь. Они заняли столик рядом, и один из парней, проходя мимо, задержал взгляд на Алёне. Совсем ненадолго — на секунду, не больше. Но Кирилл это заметил. Алёна тоже.

Кирилл чуть наклонился вперёд, будто хотел заслонить её от этого взгляда, и голос его стал ниже, твёрже.

— Что ещё тебе нравится в таких местах? — спросил он, будто нарочно переключая внимание на себя.

— Тишина, — повторила Алёна, но теперь в её голосе прозвучало лёгкое предупреждение. — И чтобы никто не мешал просто сидеть и смотреть на дождь.

— Никто и не мешает, — быстро сказал Кирилл, но в его интонации проскользнуло что-то собственническое, будто он уже считал это право на её спокойствие своим.

Алёна чуть нахмурилась, но не стала спорить. Вместо этого она перевела разговор на книги, на старые издания, на то, как приятно держать в руках книгу с пожелтевшими страницами. Кирилл подхватил тему, но в его ответах чувствовалась какая-то торопливость, будто он боялся, что если замолчит, то снова заметит чей-то взгляд в её сторону.

Через полчаса они вышли под дождь. Он уже не лил стеной, а шёл ровно, мелкими каплями, оседая на волосах, на плечах, на ресницах. Кирилл накинул на Алёну свой лёгкий шарф — не спрашивая, просто сделал, и она не стала возражать, потому что шарф пах им, его одеколоном, чем-то свежим и чуть горьким.

— Пойдём в парк, — предложил он, кивая на тёмную арку, за которой начиналась аллея. — Говорят, там старые деревья такие высокие, что закрывают небо.

— Там сейчас темно, — осторожно сказала Алёна.

— Зато тихо. И мы не будем ни перед кем притворяться, что нам не нравится быть вместе. Она усмехнулась, но кивнула.

Парк встретил их полумраком и запахом мокрой листвы. Деревья стояли плотной стеной, их кроны сплетались наверху, почти не пропуская свет фонарей. Тропинка была скользкой, и Алёна осторожно ступала, стараясь не поскользнуться. Кирилл шёл рядом, чуть впереди, будто прокладывал путь, и время от времени оборачивался, проверяя, идёт ли она, не отстаёт ли.

— Ты всегда такой... внимательный? — спросила Алёна, когда он в третий раз обернулся.

— Какой?

— Будто боишься, что я исчезну, если отвернёшься.

Он замер на секунду, потом тихо сказал:

— Иногда кажется, что если не держать всё под контролем, то всё развалится. Даже то, что только начало складываться.

Алёна остановилась и посмотрела на него. В полумраке его лицо казалось резче, черты — острее, а глаза — темнее.

— Знаешь, контроль иногда пугает, — сказала она спокойно, но твёрдо. — Мне не нужно, чтобы меня охраняли от взглядов. Мне нужно, чтобы рядом был человек, который не будет превращать каждую мелочь в повод для напряжения.

Кирилл помолчал, будто переваривал её слова. Потом кивнул.

— Прости. Я... не умею быть спокойным. Особенно когда мне важно, чтобы всё было хорошо.

— Спокойствие не в том, чтобы ничего не чувствовать, — тихо сказала Алёна. — А в том, чтобы не позволять страху решать за тебя.

Они пошли дальше, уже медленнее, и напряжение между ними стало чуть тоньше, будто ветер сдул с него острые края.

Аллея вывела их к небольшому пруду, затянутому ряской. Вода была чёрной, как чернила, и в ней отражались редкие фонари, дробясь на золотые осколки. На скамейке у воды сидела пара, укутанная в один плед, и молчала, будто слова здесь были лишними.

Алёна села на край скамейки, оставив место между собой и Кириллом. Он сел, но не слишком близко. И они стали смотреть на воду.

— Когда я была маленькой, я думала, что в таких прудах живут водяные, — тихо сказала Алёна, будто рассказывала не ему, а этому вечеру. — И что если долго смотреть на воду, они выйдут и заберут тебя в свой мир.

— А теперь? — спросил Кирилл.

— Теперь думаю, что иногда хочется, чтобы кто-то забрал тебя туда, где нет ни дедлайнов, ни чужих взглядов, ни необходимости всё контролировать.

Кирилл тихо усмехнулся.

— Звучит как приглашение сбежать.

— Нет, — покачала головой Алёна. — Звучит как желание, чтобы кто-то просто посидел рядом и не пытался всё исправить.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде было столько понимания, что ей вдруг стало легче дышать.

— Я могу просто посидеть рядом, — тихо сказал он. — Без планов. Без попыток всё держать под контролем. Просто... быть.

И они сидели. Слушали, как дождь стучит по листьям, как где-то далеко проезжает одинокая машина, как ветер шевелит ветки, и казалось, что весь город затаил дыхание, чтобы не спугнуть этот момент.

Потом Алёна встала, потянулась, и дождь тут же коснулся её лица холодными каплями.

— Мне пора, — сказала она, и в её голосе не было сожаления, а была спокойная уверенность.

Кирилл поднялся следом.

— Провожу.

— Не надо. Тут недалеко. И дождь не такой сильный.

— Алёна, — тихо сказал он, и в этом «Алёна» было столько просьбы, что она не смогла отказать. — Пожалуйста. Мне будет спокойнее, если я увижу, что ты дошла.

Она посмотрела на него, потом медленно кивнула.

Они шли обратно по той же аллее, но теперь она казалась короче, будто вечер решил не тянуть их дольше, чем нужно. По дороге Кирилл рассказывал о своём детстве: как убегал из дома, чтобы просто сидеть у реки и слушать, как шумит вода; как боялся темноты, но всё равно шёл в самый тёмный угол двора, чтобы доказать себе, что не трус. Алёна слушала и улыбалась, и иногда вставляла свои истории: как пряталась под одним одеялом с сестрой во время грозы, как боялась, что гром разобьёт окна, и как сестра шептала: «Всё хорошо, я здесь».

У подъезда она остановилась, подняла голову и посмотрела на Кирилла. Его волосы были влажными от дождя, капли блестели на ресницах, и он выглядел не таким уверенным, как в начале вечера. Он выглядел... настоящим.

— Спасибо за вечер, — сказала Алёна, и в этих словах было больше, чем просто вежливость.

— Он был... странным, — улыбнулся Кирилл. — Совсем не похожим на свидание.

— Именно поэтому он был хорошим, — тихо сказала она.

Он хотел что-то сказать, но сдержался. Вместо этого просто кивнул.

— Тогда до следующего вечера, который не будет похож на свидание?

Алёна улыбнулась шире.

— Может быть.

Она повернулась и пошла к двери, а он остался стоять под дождём, провожая её взглядом, пока она не скрылась за дверью. И только тогда он поднял воротник, сунул руки в карманы и пошёл прочь, чувствуя, как холодный воздух остужает кожу, а внутри остаётся что-то тёплое — то, что появилось сегодня и что он не хотел потерять.

Дождь всё шёл, но уже не казался враждебным. Он был просто дождём. А вечер, который не был похож на свидание, стал чем-то большим, чем просто встреча. Он стал началом чего-то, что нельзя было назвать и нельзя было отпустить.

Глава 4. Первый поцелуй и первая ссора

Двор её дома был из тех, что живут своей отдельной жизнью, не зависящей от города за оградой. Старые липы, росшие вдоль тротуара, раскинули ветви так, будто пытались укрыть двор от чужих взглядов. Скамейки у подъезда потемнели от дождей и времени, а детская площадка казалась заброшенной, хотя по утрам здесь всё ещё звенели голоса. Сейчас же, поздним вечером, двор был почти пуст — только редкие окна светились жёлтым, да тусклый фонарь у входа в подъезд ронял на асфальт неровный круг света.

Дождь закончился час назад, но воздух оставался тяжёлым и влажным. Капли ещё держались на листьях, на перилах, на асфальте, и стоило фонарю дрогнуть от ветра, как они вспыхивали крошечными искрами. Алёна стояла у подъезда, кутаясь в куртку, и чувствовала, как холод пробирается под ткань, напоминая, что вечер уже не тот, каким начинался.

Кирилл пришёл пешком — сказал, что хотел пройтись, проветрить голову, но Алёна подозревала, что он просто не хотел, чтобы их вечер заканчивался в такси, где между ними будет стекло и чужой человек за рулём. Он остановился напротив неё, чуть ближе, чем раньше, будто сегодня ему хотелось быть чуть откровеннее, чуть ближе.

— Ты замёрзла, — сказал он, не спрашивая, а констатируя, и снял свой шарф, чтобы накинуть ей на плечи.

Алёна хотела отказаться — ей казалось, что принимать что-то личное, пахнущее им, значит соглашаться на что-то большее, чем она готова была дать. Но холод был сильнее гордости, и она молча позволила ему укутать себя.

— Спасибо, — тихо сказала она, пряча взгляд.

— Не за что, — ответил он, и в его голосе прозвучала та самая уверенность, которая иногда её раздражала, а иногда заставляла чувствовать себя в безопасности.

Они стояли под фонарём, и свет ложился на их лица неровно: то высвечивал тень под глазами Кирилла, то делал лицо Алёны почти прозрачным. Между ними висело что-то, чего ни один из них не решался назвать. Напряжение, которое копилось с самого начала вечера, теперь стало почти осязаемым, как влажный воздух.

— Знаешь, я сегодня весь день думал, как бы сделать этот вечер идеальным, — вдруг сказал Кирилл, будто ему нужно было заполнить тишину чем-то своим, чем-то настоящим.

Алёна чуть нахмурилась.

— Идеальным? Зачем?

— Ну... чтобы ты поняла, что я стараюсь. Что мне не всё равно.

Она посмотрела на него, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на усталость.

— Мне не нужно идеальное, — тихо, но твёрдо сказала она. — Мне нужно настоящее. Даже если оно нескладное. Даже если мы молчим или спорим из-за ерунды.

Кирилл чуть наклонил голову, будто пытался понять, что именно она имеет в виду.

— А если я не умею «неидеально»? Если у меня всё либо по плану, либо никак?

— Тогда учись, — спокойно ответила Алёна, и в этой простоте было столько правды, что Кирилл невольно поморщился, будто ему стало немного больно.

И тут всё пошло не так. Из-за пустяка. Из-за мелочи, которая сама по себе ничего не значила, но стала последней каплей.

Мимо прошёл сосед, пожилой мужчина с овчаркой. Пёс потянул хозяина к Кириллу, обнюхал его ботинки, а хозяин извинился, буркнул что-то про «не обращайтесь внимания» и пошёл дальше. Кирилл вежливо кивнул, но когда мужчина отошёл, он вдруг повернулся к Алёне и сказал с лёгкой насмешливой интонацией:

— Вот видишь? Даже собаки чувствуют, кто тут главный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.